

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», статьи 189⁹¹ и пункта 31 статьи 189⁹⁶ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданки И.В.Рехиной

город Санкт-Петербург

24 марта 2022 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», статьи 189⁹¹ и пункта 31 статьи 189⁹⁶ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки И.В.Рехиной. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Г.А.Гаджиева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Гражданка И.В.Рехина оспаривает конституционность следующих норм, примененных судами в деле с ее участием:

пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона от 2 декабря 1990 года № 395-І «О банках и банковской деятельности», в силу которого с момента отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций, если иное не предусмотрено федеральным законом, до дня вступления в силу решения арбитражного суда о признании кредитной организации несостоятельной (банкротом) или о ликвидации кредитной организации запрещается в том числе прекращение обязательств перед кредитной организацией путем зачета встречных однородных требований (за рядом исключений);

статьи 189⁹¹ Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а фактически ее пункта 1, согласно которому все имущество кредитной организации, имеющееся на день открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу;

пункта 31 статьи 189⁹⁶ того же Федерального закона, а фактически его первого предложения, в силу которого погашение требований кредиторов путем заключения соглашения о новации обязательства, а также путем зачета требований в ходе конкурсного производства при банкротстве кредитных организаций не допускается.

1.1. Приказом Банка России от 15 декабря 2016 года № ОД-4537 введен трехмесячный мораторий на удовлетворение требований кредиторов кредитной организации, а именно публичного акционерного общества «Татфондбанк» (далее также – банк). Лицензия на осуществление банковских операций отозвана у него приказом Банка России от 3 марта 2017 года № ОД-542, и с той же даты действие моратория прекращено. Решением Арбитражного суда Республики Татарстан от 17 апреля 2017 года банк признан несостоятельным, в отношении него открыто конкурсное производство, обязанности конкурсного управляющего возложены на государственную корпорацию «Агентство по страхованию вкладов».

Ранее, 20 октября 2016 года, между И.В.Рехиной и ПАО «Татфондбанк» был заключен кредитный договор, по условиям которого ей предоставлен кредит в размере 590 370 руб. сроком на 60 месяцев. 3 декабря 2016 года она подала в адрес банка заявление о частичном досрочном погашении долга в сумме 483 541,80 руб. и в тот же день внесла на счет, открытый для погашения кредита, 500 000 руб. В соответствии с письмом названной корпорации от 11 мая 2017 года подтверждено поступление этих денежных средств, однако указано, что в связи с введением 15 декабря 2016 года моратория на удовлетворение требований кредиторов кредит не был погашен. В дальнейшем на имя И.В.Рехиной поступило требование о погашении задолженности по кредитному договору в размере 93 874,83 руб.

Решением Куйбышевского районного суда Санкт-Петербурга от 5 июня 2019 года иск И.В.Рехиной к ПАО «Татфондбанк» в лице государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» удовлетворен частично: обязательства истицы перед ответчиком по кредитному договору признаны исполненными на сумму 494 897,55 руб., с ответчика в пользу истицы взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами (87 834,96 руб.), компенсация морального вреда

(25 000 руб.) и штраф (56 417,48 руб.). Этим же решением встречный иск также удовлетворен частично: с истицы в пользу ответчика взыскана задолженность по кредитному договору в размере 105 747,43 руб., обращено взыскание на заложенное имущество – транспортное средство. Суд исходил, среди прочего, из того, что в материалах дела имеется заявление И.В.Рехиной в адрес банка о частичном досрочном погашении кредита, а внесенных ею денежных средств было достаточно для этого; в данном случае не идет речь о зачете требований, поскольку до внесения И.В.Рехиной средств в счет погашения кредита банк перед нею денежных обязательств не имел, а тот факт, что деньги внесены и приняты банком именно для погашения долга по кредиту, а не для иных целей, сторонами не оспаривался.

Апелляционным определением (принятым при новом рассмотрении дела) судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 17 июня 2020 года (с учетом определения того же суда об исправлении арифметической ошибки) решение суда первой инстанции отменено в части и в удовлетворении требования И.В.Рехиной о взыскании компенсации морального вреда отказано; тем же определением решение изменено и встречное исковое требование банка о взыскании кредитной задолженности удовлетворено в размере 687 861,27 руб.; в остальном решение оставлено без изменения. При этом суд апелляционной инстанции исходил из того, что поскольку на ближайшую дату платежа по кредитному договору (20 декабря 2016 года) действовал мораторий на удовлетворение требований кредиторов банка, то и внесенный И.В.Рехиной платеж не мог быть зачтен в счет исполнения ее обязательства по выплате кредита, а потому требование банка о взыскании просроченной кредитной задолженности следует признать обоснованным. Определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 9 ноября 2020 года апелляционное определение (с учетом исправления арифметической ошибки) оставлено без изменения, жалоба И.В.Рехиной –

без удовлетворения. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2021 года в передаче ее кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании этого суда отказано.

1.2. По мнению заявительницы, оспариваемые ею законоположения в их взаимосвязи не соответствуют статьям 2, 8 и 35 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой не позволяют рассматривать денежные средства, размещенные на счете гражданина, в качестве исполнения им своих обязательств по кредитному договору перед банком в случае введения в отношении банка моратория на удовлетворение требований кредиторов и при этом предполагают поступление этих денежных средств в конкурсную массу банка, что влечет лишение такого гражданина имущества в отсутствие на то конституционных оснований.

Таким образом, с учетом предписаний статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», статьи 189⁹¹ и пункта 31 статьи 189⁹⁶ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», на основании которых решается вопрос о возможности признания обязательства по договору потребительского кредита досрочно исполненным гражданином-должником путем размещения денежных средств на банковском счете, специально открытом в соответствии с условиями договора для этой цели, после отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций (введения моратория на удовлетворение требований ее кредиторов).

2. В качестве одной из основополагающих ценностей, объединяющих многонациональный народ Российской Федерации, Конституция Российской Федерации в своей преамбуле называет веру в добро и справедливость. Конкретные правовые механизмы, созданные на основе

конституционных положений, трансформируют общее требование справедливости, относящееся к духу Конституции Российской Федерации, в конституционно-правовой принцип, воплощенный в ее букве. Принцип равенства, провозглашенный в статье 19 Конституции Российской Федерации, также служит проявлением принципа справедливости, запрещая, чтобы с равными по существу лицами закон обращался неравно. При этом в пределах законодательной дискреции находится выбор тех обстоятельств, с которыми связываются одинаковые правовые последствия. По-разному подходу к разным категориям лиц, законодатель должен обосновывать необходимость такого выбора и придавать ему разумный и соразмерный характер.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что Конституция Российской Федерации, в том числе ее статьи 17 (часть 3), 19 и 55 (часть 3), допускает различия в правах граждан в той или иной сфере, если такие различия объективно оправданны и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства адекватны им. Критерии, лежащие в основе установления специальных норм, должны определяться исходя из задач дифференциации в правовом регулировании, т.е. сами критерии и правовые последствия дифференциации должны быть сущностно взаимообусловлены. Запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях, предполагает, что дифференциация должна учитывать не только формально-юридические критерии, но и сходство фактического положения граждан (постановления от 3 июня 2004 года № 11-П, от 15 декабря 2011 года № 28-П и др.; определения от 12 июля 2006 года № 261-О, от 3 октября 2006 года № 471-О, от 27 января 2011 года № 179-О-П и др.).

Согласно Конституции Российской Федерации, в частности ее статьям 8, 19 и 35, общепризнанные принципы неприкосновенности собственности и свободы договора, равенство всех собственников как

участников гражданского оборота обуславливают свободу владения, пользования и распоряжения имуществом, включая возможность отчуждать свое имущество в собственность другим лицам. Конституционно-правовыми гарантиями должны обеспечиваться и безналичные денежные средства, существующие в виде записи на банковском счете их обладателя, которые по своей природе представляют собой охватываемое понятием имущества обязательственное требование к банку (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2000 года № 14-П, от 28 января 2010 года № 2-П и от 27 октября 2015 года № 28-П).

По смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации из принципа правового государства, нашедшего отражение в статье 1 Конституции Российской Федерации, из требования правовой определенности, входящего в нормативное содержание этого принципа, следует, что нормы, регулирующие отношения собственности и иные имущественные отношения (в том числе те, которые возникают при распоряжении имуществом, включая деньги), должны быть ясными, точными и непротиворечивыми, а механизм их действия – предсказуемым и понятным субъектам правоотношений, которые должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения (постановления от 17 июня 2004 года № 12-П, от 21 января 2010 года № 1-П, от 13 января 2020 года № 1-П, от 15 апреля 2020 года № 18-П и др.). Недопустимо с точки зрения конституционно-правовых предписаний неограниченное по времени и, как следствие, чрезмерно длительное пребывание должника в состоянии неопределенности относительно своего правового положения.

3. Пунктом 1 статьи 819 ГК Российской Федерации предусмотрено, что по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, установленных договором, а заемщик обязуется

возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее. При этом – как договорная модель – в российской правовой системе кредитный договор обладает рядом характерных особенностей, в частности обусловленных его применением в банковской деятельности.

В силу общих правил, регламентирующих заключение гражданско-правовых договоров (статья 432 ГК Российской Федерации), кредитный договор считается заключенным, если между его сторонами достигнуто соглашение по всем существенным его условиям. В соответствии с пунктом 2 статьи 819 ГК Российской Федерации к отношениям по кредитному договору применяются правила параграфа 1 «Заем» главы 42 «Заем и кредит» данного Кодекса, если иное не предусмотрено правилами ее параграфа 2 «Кредит» и не вытекает из существа кредитного договора. Согласно статье 810 данного Кодекса заемщик обязан возвратить займодавцу полученную сумму займа в срок и в порядке, которые предусмотрены договором.

В банковской практике в качестве одной из моделей погашения долга по кредиту применяется включение в кредитный договор условия о том, что для исполнения заемщиком обязательств по договору потребительского кредита банк бесплатно открывает ему текущий счет, который используется для осуществления платежей по этому договору. Такая модель погашения долга имела место и в правоотношениях И.В.Рехиной с банком: в соответствии с пунктом 4.1 Общих условий предоставления потребительских кредитов ПАО «Татфондбанк» заемщик вправе досрочно частично либо в полном объеме погасить сумму кредита путем перечисления денежных средств на счет или иным способом, предусмотренным действующим законодательством.

3.1. Согласно пункту 2 статьи 2 Федерального закона от 23 декабря 2003 года № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» вкладом являются денежные средства в валюте Российской Федерации или иностранной валюте, размещаемые вкладчиками или в их пользу в банке на территории Российской Федерации на основании договора

банковского вклада или договора банковского счета, включая капитализированные (причисленные) проценты на сумму вклада. Частью 7 статьи 11 названного Федерального закона предусмотрено, что, если банк, в отношении которого наступил страховой случай, выступал по отношению к вкладчику также в качестве кредитора, размер возмещения по вкладам определяется исходя из разницы между суммой обязательств банка перед вкладчиком и суммой встречных требований данного банка к вкладчику, возникших до дня наступления страхового случая, каковым признается в том числе введение Банком России моратория на удовлетворение требований кредиторов банка (пункт 2 части 1 статьи 8).

В силу пункта 1 статьи 189³⁸ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (в редакции, действовавшей до внесения в него изменений Федеральным законом от 1 мая 2017 года № 84-ФЗ) в случае приостановления полномочий исполнительных органов кредитной организации и при наличии основания, предусмотренного подпунктом 1 пункта 1 его статьи 189²⁶ (в случае назначения временной администрации по управлению кредитной организацией – в действующей редакции), Банк России вправе ввести мораторий на удовлетворение требований кредиторов кредитной организации на срок не более трех месяцев; действие моратория распространяется на денежные обязательства и обязанности по уплате обязательных платежей, которые возникли до момента назначения временной администрации по управлению кредитной организацией (в действующей редакции – до дня введения моратория). Конкурсный управляющий производит расчеты с кредиторами в соответствии с реестром их требований (пункт 1 статьи 189⁹⁶ данного Федерального закона).

Размер возмещения по вкладам каждому вкладчику устанавливается исходя из суммы обязательств по вкладам банка, в отношении которого наступил страховой случай, перед этим вкладчиком (часть 1 статьи 11 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»).

В указанных обстоятельствах после введения процедуры конкурсного производства ограничения на распоряжение имуществом кредитной организации регулируются правилами статей 189⁹¹ и 189⁹⁶ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», что непосредственно следует из данных норм. Они направлены на защиту законных интересов кредиторов при банкротстве кредитных организаций и в этом аспекте не могут расцениваться как нарушающие конституционные права и свободы, поскольку требования кредиторов в процессе банкротства удовлетворяются за счет и в пределах имущества, включенного в конкурсную массу, в соответствии с реестром требований кредиторов, в предусмотренной законом очередности. Установленный пунктом 31 статьи 189⁹⁶ данного Федерального закона запрет на погашение требований кредиторов путем зачета требований в ходе конкурсного производства при банкротстве кредитной организации препятствует уменьшению ее имущества и нарушению прав иных ее кредиторов с учетом принципа недопустимости приоритетного удовлетворения требований одних кредиторов перед другими.

Вопрос об ограничении исполнения обязательств после отзыва лицензии на осуществление банковских операций уже был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, в результате чего в Определении от 5 ноября 1999 года № 182-О им сформулирована следующая правовая позиция. Пункт 4 части четвертой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» устанавливает, как указал Конституционный Суд Российской Федерации применительно к действовавшей на тот момент его редакции, обеспечительные меры, направленные на сохранение денежных средств и имущества кредитной организации до решения вопроса о расчетах с кредиторами. Смысл этой нормы в том, что в целях защиты интересов кредиторов и самого банка надлежит зафиксировать всю его кредиторскую задолженность. Содержащийся в этой норме запрет на заключение сделок и исполнение обязательств по сделкам (за исключением тех, которые указаны в ней самой)

до создания в установленном порядке ликвидационной комиссии, назначения конкурсного управляющего обусловлен необходимостью сохранения денежных средств и имущества кредитной организации для их законно обоснованного распределения между кредиторами и направлен на реализацию конституционного принципа равенства всех перед законом.

С учетом изложенного положения пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», регулирующей отношения, возникающие непосредственно в связи с отзывом у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций, направлены на защиту законных интересов кредиторов и вкладчиков кредитной организации и сами по себе не могут расцениваться как нарушающие права и свободы И.В.Рехиной, перечисленные в ее жалобе. Установленные данной нормой запреты на совершение сделок с имуществом кредитной организации, на исполнение обязанностей по уплате обязательных платежей и на прекращение обязательств перед кредитной организацией путем зачета встречных однородных требований действуют с момента отзыва у нее лицензии на осуществление банковских операций и направлены, главным образом, на создание условий, при которых в дальнейшем возможно основанное на нормах закона удовлетворение интересов ее кредиторов и вкладчиков. При этом наличие таких запретов не препятствует реализации кредитной организацией права взыскивать и получать задолженность, в том числе по ранее выданным кредитам (пункт 1 части тринадцатой названной статьи).

3.2. В судебной практике сложилось противоречивое истолкование исследуемых норм в части возможности признания досрочно исполненными обязательств по договору потребительского кредита в период, предшествующий введению моратория, путем внесения денежных средств на специально открытый для этой цели счет.

Верховным Судом Российской Федерации выработана следующая правовая позиция. Со дня введения моратория у банка в соответствии с

частью 7 статьи 11 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» возникает обязанность соотнести взаимные предоставления сторон, возникшие в связи с заключением кредитного договора и наличием у стороны банковского счета, где находятся денежные средства, и определить окончательный размер обязательства одной стороны в отношении другой, т.е. установить сальдо взаимных предоставлений, являющееся не зачетом встречных требований, а способом расчета размера итогового платежа, которое, по своей сути, должно происходить автоматически, не требует дополнительного волеизъявления стороны и не означает преимущественного удовлетворения требований одного кредитора перед другими (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2019 года № 11-КГ19-22). Также отмечается, что, внося в погашение кредита денежные средства на специально открытый для этих целей в этом же банке счет, заемщик является должником, а не кредитором банка; то, что обязательства должника исполняются посредством внесения денег на счет, открытый на его имя банком-кредитором, не меняет характера их отношений и положения сторон в обязательстве как должника и кредитора и не может служить основанием для уклонения банка от принятия надлежащего исполнения от должника по мотиву введения моратория на удовлетворение требований кредиторов (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2018 года № 11-КГ18-5). Руководствуясь такой позицией, суды исходят из того, что в данном случае погашение долга заемщика перед банком нельзя признать зачетом, поскольку до внесения денег в счет погашения кредита банк денежных обязательств перед заемщиком не имел, а деньги были внесены заемщиком и приняты банком именно для погашения долга по кредиту, а не для каких-либо иных целей (определение судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22 сентября 2020 года № 88-14790/2020 по делу № 2-3033/2019).

В деле И.В.Рехиной суд первой инстанции прибегнул к приведенному толкованию, полагая, что она является должником, а не кредитором банка; досрочное погашение кредита посредством внесения денег на счет, открытый на имя должника банком, не меняет их отношений и не позволяет банку уклониться от принятия надлежащего исполнения от должника по причине моратория; до внесения И.В.Рехиной денег в счет погашения кредита банк денежных обязательств перед ней не имел. Суд принял во внимание и то обстоятельство, что деньги, в дальнейшем внесенные ею в счет погашения кредита, учтены банком при расчете задолженности. Однако вышестоящие судебные инстанции, придерживаясь противоположного подхода, пришли к выводу, что, разрешая вопрос о зачете досрочно внесенных средств в счет погашения обязательства, суд первой инстанции неверно применил нормы материального права: согласно пункту 4 части девятой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» с момента отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций и до дня вступления в законную силу решения арбитражного суда о признании ее банкротом запрещается прекращение обязательств перед нею путем зачета встречных однородных требований, а в силу пункта 31 статьи 189⁹⁶ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» погашение требований кредиторов путем зачета требований в ходе конкурсного производства при банкротстве кредитных организаций не допускается.

4. Тем самым с учетом противоречивых подходов в судебной практике соответствующие законоположения нуждаются в истолковании в более широком контексте – с учетом того, какой из приведенных вариантов истолкования в большей степени отвечает конституционным нормам и принципам. Для этого следует обратиться к правовой позиции, которую сформулировал и неоднократно подтверждал Конституционный Суд Российской Федерации и в силу которой законодатель и правоприменители не должны ограничиваться формальным признанием юридического равенства сторон при их фактическом неравенстве, а конституционный

принцип равенства не препятствует тому, чтобы законодатель устанавливал неодинаковые нормы в отношении лиц, находящихся в разном положении.

Должники по обязательству, вытекающему из договора потребительского кредита, и кредиторы банка, в частности вкладчики по договору банковского вклада или банковского счета, представляют собой разные категории лиц. Их сущностное различие особенно наглядно с точки зрения экономических целей. Цель гражданина-заемщика при заключении договора потребительского кредита – получить денежные средства в размере и на условиях, предусмотренных договором, приняв обязательство по последующему погашению долга. При заключении же договора банковского вклада одна сторона (вкладчик) доверяет свои средства другой стороне (банку), становясь кредитором в обязательстве, а другая сторона (банк) обязуется в установленный срок возвратить эти деньги с учетом начисленных за их использование процентов (пункт 1 статьи 834 ГК Российской Федерации). Экономический интерес вкладчика состоит не в получении возможности пользоваться денежными средствами банка, а в размещении там и в приращении своих средств. (Согласно пункту 3 статьи 834 ГК Российской Федерации к отношениям банка и вкладчика по счету, на который внесен вклад, применяются правила главы 45 «Банковский счет» данного Кодекса, если иное не предусмотрено правилами его главы 44 «Банковский вклад» или не вытекает из существа договора банковского вклада.)

Условия договора потребительского кредита определяются статьей 5 Федерального закона от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», при этом общие условия договора устанавливаются кредитором в одностороннем порядке в целях многократного применения (часть 3), включая способы возврата кредита заемщиком, а также уплаты процентов по нему (пункт 12 части 4). Процесс погашения кредита с использованием текущего счета, открытого банком для этой цели, представляется заемщику технической, внутренней операцией, которая

осуществляется банком. С точки зрения заемщика, он перечисляет денежные средства банку в качестве должника, а все последующие действия по списанию долга совершаются самим банком. То обстоятельство, что до наступления согласованной даты погашения заемщик формально может считаться кредитором банка в отношении перечисленной суммы и может отменить (изменить) заявку на погашение кредита, в данном случае не должно иметь решающего значения, поскольку сам по себе такой текущий счет открывается в связи с банковским кредитом и с целью его погашения, т.е. самостоятельный интерес заемщика в ведении такого счета можно предположить отсутствующим. Следовательно, заемщик, который вносит, чтобы погасить кредит, денежные средства на специально открытый в этом же банке счет, продолжает оставаться должником. Характер отношений между должником и банком-кредитором сохраняется, а потому банк не ограничен в праве принять от должника надлежащее исполнение несмотря на введение моратория на удовлетворение требований кредиторов – в отличие от кредиторов банка, для которых запрет зачета однородных требований имеет смысл, поскольку преследует разумную цель не допустить преимущественного удовлетворения требований одного кредитора перед другим.

Кредитор банка, не получивший обратно свои денежные средства по завершении конкурсного производства, воспринимается как лицо, претерпевшее неблагоприятные последствия от не зависящих от него обстоятельств. Должник, который в рассматриваемом случае возвращает взятые денежные средства, оказывается в худшем положении, поскольку он, хотя и внес сумму кредита (ее часть), поступившую в конкурсную массу, по-прежнему считается не исполнившим своего обязательства, что влечет для него неблагоприятные имущественные последствия и ухудшает его кредитную историю, а в более широком смысле – влечет и другие репутационные риски. При этом сама по себе ситуация отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций (введения

моратория на удовлетворение требований ее кредиторов) создает вероятность того, что владелец счета не получит переданные банку собственные денежные средства в полном объеме, но при этом, оставаясь должником по договору потребительского кредита, вынуждается к повторной уплате уже перечисленных средств.

Понимание действий заемщика в рассматриваемом случае как имеющих характер зачета (статья 410 ГК Российской Федерации) вступает в противоречие с принципами равенства и справедливости. Так, принцип справедливости не позволяет расценивать обстоятельства, в которых оказываются должник, досрочно исполнивший обязательство, и кредиторы банка, как «сходные» ситуации: объективно различные, эти ситуации не позволяют применять к ним равным образом норму о запрете зачета. Сохранение обязанности по возврату кредита в той части, в которой она исполнена, и последующее замораживание уплаченных денежных средств в конкурсной массе противоречит как общим принципам гражданского законодательства, так и конституционному принципу равенства.

5. Таким образом, положения пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», статьи 189⁹¹ и пункта 31 статьи 189⁹⁶ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не противоречат Конституции Российской Федерации при условии их конституционно-правового истолкования, данного в настоящем Постановлении и предполагающего возможность признать, что обязательство по договору потребительского кредита может быть досрочно исполнено гражданином-должником путем размещения денежных средств на банковском счете, специально открытом в соответствии с условиями договора для этой цели, даже в случае отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций (введения моратория на удовлетворение требований ее кредиторов).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать не противоречащими Конституции Российской Федерации положения пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», статьи 189⁹¹ и пункта 31 статьи 189⁹⁶ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в той мере, в какой по их конституционно-правовому смыслу юридический факт отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций (введения моратория на удовлетворение требований ее кредиторов) не может препятствовать признанию предшествовавшего ему (им) размещения гражданином-должником – в порядке исполнения (в том числе досрочного) своих обязательств по договору потребительского кредита – денежных средств на банковском счете в кредитной организации, специально открытом в этой кредитной организации, надлежащим исполнением своих обязательств в соответствующей части.

2. Правоприменительные решения по делу гражданки Рехиной Ирины Валериевны, вынесенные на основании положений пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», статьи 189⁹¹ и пункта 31 статьи 189⁹⁶ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 12-П

Конституционный Суд
Российской Федерации